

Виктор Васильев

ПЭКАЛЭ И ТЫНДАЛЭ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ», МОСКВА • 1980

Виктор Васильев

ПЭКАЛЭ И ТЫНДАЛЭ

По мотивам молдавских
сказок

РИСУНКИ
А. КОКОРИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ», МОСКВА • 1980

БЫЛО то или не было, только если б не было, разве люди помнили бы да о том сказывали-рассказывали?.. Так вот, жили-были два молодца, два удалца. Как говорится, два сапога, два постела — пара. Этот — правый, а тот — левый. Ну и чудеса! Глядите, сами убедитесь — парни ладные, складные. Собою хороши, нравом добры, силой сильны и умом не обижены. Что один, что другой. Не родня и не братья, а друг дружке под стать! Ну, если о достатке сказать — й-й-й! — его не счесть! Уж коли я говорю, так так оно и есть: у одного-то в кармане блоха на аркане, а у другого — таракан на цепи.

А вы не дивитесь, с добрыми людьми такое частенько бывает. Ведь это лихоимец, злодей только и знает утробу свою наполнять да кошель набивать, а у таких ребят, как Пэкалэ и Тында́лэ, весь капитал — сметливая голова, умелые руки да весёлая шутка. Весёлая — это когда таких же, как они, простых людей касается. А коли дело о богатеях пойдёт, тогда... Ну, что тогда? Тогда и посмотрим, тогда и послушаем, когда «тогда» будет, а пока что знакомьтесь, любуйтесь, вот он —

ПЭКАЛЭ

— До чего же есть хочется! Сейчас бы в харчевню, да миску супа, да понаваристей, да кусок мяса, да пожирнее, да кусок хлеба, да попышнее!.. Мей, вот незадача! Подумать только, денег как раз — гроша и того нет! А-а! Была не была! Продам овцу! Э-э! Чего жалеть? Гулять, так гулять! Что овцу? Всех овец продам! Всех до единой!

— Пэкалэ! Пэкалэ! Сколько их у тебя?

— Белых — ни одной, а чёрных — и того меньше!

Это рядом Тындалэ стоит. Грустный. У него тоже в желудке пусто. Это он Пэкалэ спрашивал — «сколько?»

— Счастливцев! — говорит Тындалэ в задумчивости. — Мне бы да от твоих овец да любую да половину!

А Пэкалэ хоть бы что! Разве Пэкалэ способен унывать?

— Ничего! — говорит. — Не грусти! Вчера был сыт, сегодня с утра не ел, зато, может, завтра пообедаем!

Вот такой он, Пэкалэ. Ну, а дружок его? У которого тоже в желудке пусто, у которого в кармане ломаного гроша нет! Что? Таких бедняков, говорите, на свете не счесть? А если я скажу, что он задумчивый? Добрый? Справедливый? Тот, кого ни с кем не спутаешь, потому что он со своим дружком Пэкалэ во всей Молдове, по всей молдавской земле, а может быть, и за пределами её известен? Потому что — он...

ТЫНДАЛЭ

Не сегодня, не вчера это было.

— Тындалэ! — сказала ему однажды мать. — Вот тебе две денежки. Пока я в поле буду, сходи-ка ты на базар. На одну денежку купишь сметаны, а на другую — молока.

Подумаешь, забота! Это для кого-нибудь забота, только не для Тындалэ! В одной руке денежка, в другой руке денежка. На эту — молока, а на эту — сметаны! Хоп! Топ-топ-топ! Одна нога тут, другая там. Радуйтесь, люди! Тындалэ уже на базаре!

Знаете вы, что такое базар в Молдове? Шумит, как горная река с кручи! Да что река!словно море бушует: тут за рядом ряд, будто волны белыми барашками рябят, — живые овцы толкуются-продаются, тут волны морские янтарные, синие — виноградные гроздья возвышаются, а там ряд — колбасы, окорока, жирные, лоснящиеся, хоть глаза зажмурь, — блестят. А над всем этим, словно морской

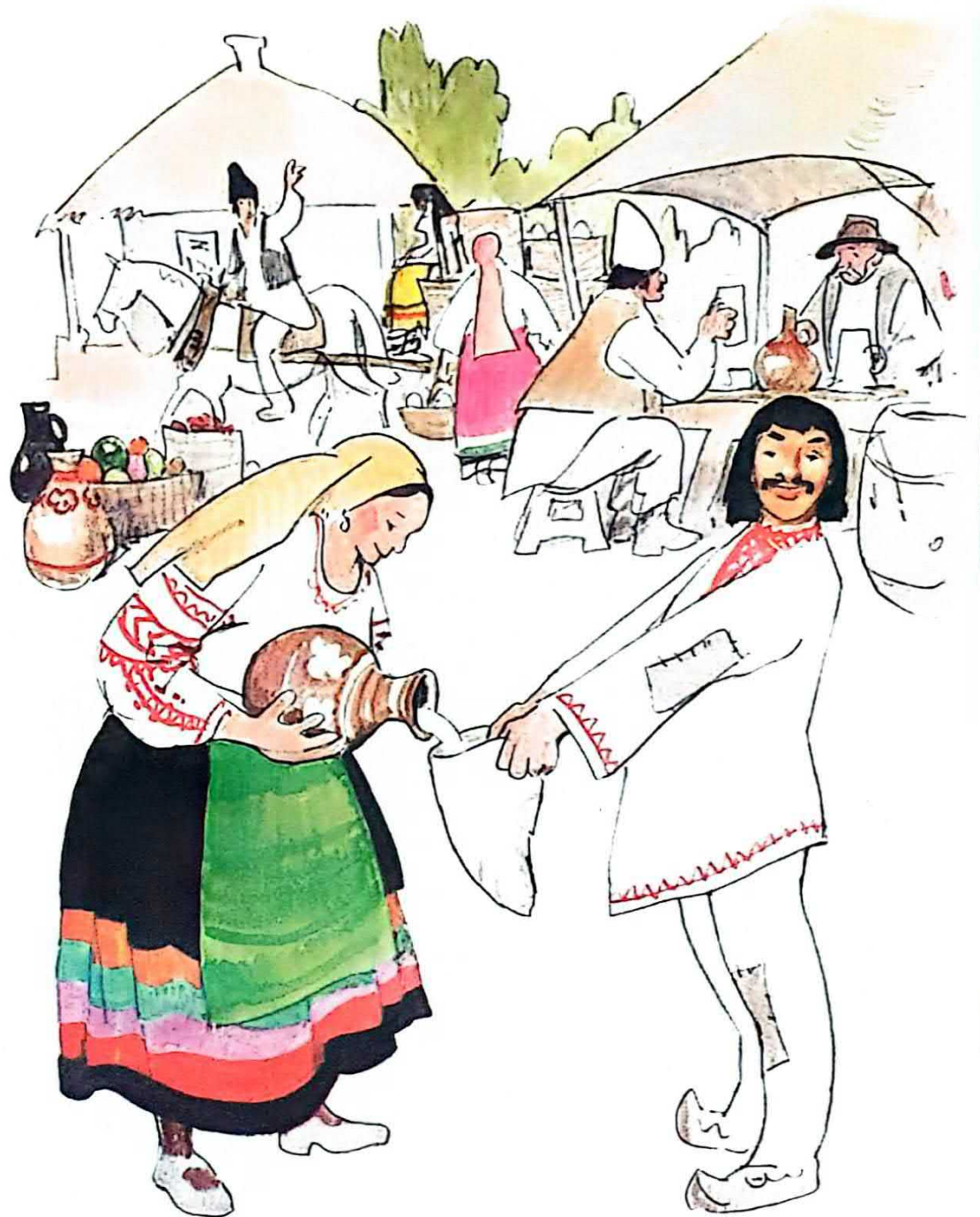

прибой. — людской говор, певучий, весёлый. А вот и молоко. Молоко, молоко — хоть залейся! Сколько душе угодно молока! И парного, и сырого, и топлёного, и кислого! Ну, до чего здорово! «А ну, тётка, давай молока! Лей, не жалей, живей!» — «Куда лить-то, сынок?» Куда, куда? В самом деле, куда? В одной руке денежка для молока, в другой руке денежка для сметаны! Всю дорогу Тындаля знал, всю дорогу помнил!.. А посуда? Посуда-то где? Вот незадача! Не взял посуды. Не взял, не захватил! Но не такой человек Тындаля, чтобы растеряться. Он-то мигом сообразил. Шапку с головы: «Лей, тётка! Наливай!»

Ну, добро! Половина дела сделана! Теперь совсем пустяк — сметаны не хватает! А вот и сметана. До чего ж

хороша! И для неё денежка есть. Получай! Как куда? Куда, куда? Да что они, словно все сговорились: «Куда!» Если уж Тындалэ в первый раз не растерялся, так во второй-то и думать нечего! Взял да и вывернул шапку на левую сторону! Ай да Тындалэ! Вот молодец! На радостях и не заметил, что всё молоко — под прилавком оказалось... А он... Хоп! Топ-топ-топ! Одна нога здесь, другая там. Оглянуться не успели — Тындалэ домой вернулся.

— Сметана! В шапке!.. — матушка только руками всплеснула.

— Не одна сметана! — с гордостью сказал Тындалэ. — Тут и молоко! Вот, получай! — и... вывернул шапку снова на другую сторону.

А сметана-то, сметана, не даром, что жирная была, плюхнулась тестом на землю.

Ну, с кем не бывает, с кем не случается. Тындалэ уж забыл об этом, а люди помнят, смеются. Вот чудак!..

КАК ОНИ ПОБРАТИМАМИ СТАЛИ

«Чудак, чудак! Ну, как им доказать, что Тындалэ не хуже других!» — задумался Тындалэ. Есть ведь от чего задуматься и даже грустить!

Оставим его. Пока он думает, мы вспомним о Пэкалэ.

— Овец не продал, другое найдётся! — решил Пэкалэ.

Набил полный мешок ореховой скорлупой, забросил за спину, идёт, несёт, легко-не тяжко, баловство одно, кричит:

— Гей, гей, люди! Вот орехи! Вот лесные!..

А навстречу — Тындалэ. И кто бы мог подумать — тоже с мешком, тоже за спину закинутым. Тоже лёгким, тоже нести не тяжко — баловство одно! Ещё бы: набрал травы, сухой — ничего не весит!

— Эй, люди! Перо, как пух! Перо, как пух — чистое, пушистое!

Пэкалэ, не будь дурак, первым сообразил:

— Послушай, сдаётся мне, что этого добра у тебя дома поди столько же, если не больше осталось?

— Осталось! — согласился Тындалэ.

— Неужто мы с тобой скупиться, рядиться будем?

— Не будем.

— Тогда давай меняться: я тебе орехи, ты мне перо, как пух!

Задумался Тындалэ. Что ж? В самом деле сделка недурна!

— Я согласен! — сказал Тындалэ.

— А я тем более! — сказал Пэкалэ.

Раз-два! Другие бы вон сколько провозились, а они мигом с делом покончили. И разошлись в разные стороны.

Уж они веселились, уж они радовались, когда мешки поразвязывали, пооткрывали — носы туда засунули, каждый свой барыш разглядывал, из мешка на землю вытряхивал:

— Ох, и хитёр, как лиса, этот человек! — сказал Тындалэ.

— Ну и гусь, этот прохожий! — сказал Пэкалэ.

И вот, то ли земля клином сошлась, то ли быть так было должно, но встретились они снова. Встретились и остановились.

Может, впервые Тындалэ не задумался, спросил:

— Брат, да как же тебя зовут?

— Пэкалэ! — сказал Пэкалэ. — А тебя как?

— А меня — Тындалэ! — сказал Тындалэ.

Тут они обнялись и побратались даже.

— До чего же есть хочется! — сказал Пэкалэ. — Вчера был сыт, сегодня не ел...

— Удивительное дело! — сказал Тындалэ. — Как ты только догадался? Ведь и со мной такая же история происходит!

— Не унывай, братец! — сказал Пэкалэ. — Моя поговорка не кончена! Главное в ней вкусное окончание: вчера был сыт, сегодня не ел, зато, может, завтра пообедаем!.. Давай, побратим, пойдём к помещику, наймёмся в батраки.

КАК ПЭКАЛЭ И ТЫНДАЛЭ У ПОМЕЩИКА РАБОТАЛИ

Взял их помещик. А был он скупой: скупее не придумаешь! Поэтому у него и работать-то никто не хотел.

Привёл их помещик в сарай и говорит:

— Тут соломки себе найдёте, постелите, отдыхайте, сколько душеньке угодно. У меня работа — не работа —

один праздник! А об еде вы не думайте: на сытый-то желудок плохо спится. Завтра поедите.

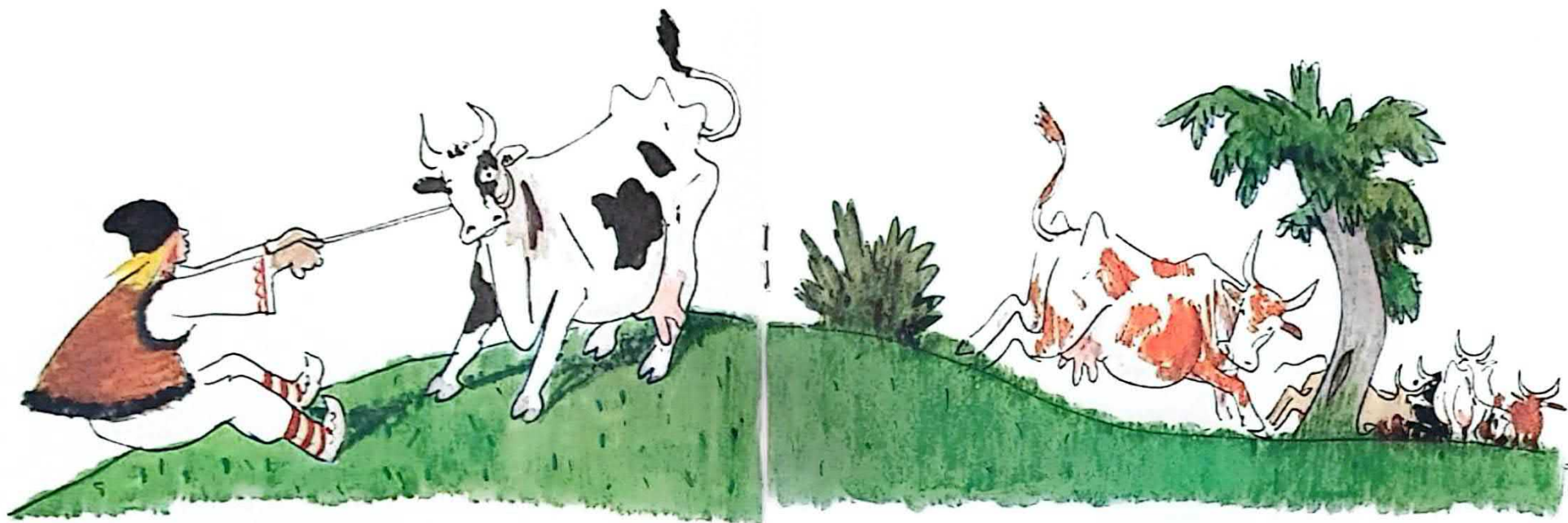
Делать нечего. Спит Пэкалэ, спит Тындалэ. Снится им похлёбка наваристая: пар над ней вьётся, запах ноздри щекочет. Снится им мясо жирное, пироги пышные!..

Ни свет ни заря растолкал их помещик.

— Вставайте, вставайте! Хватит прохлаждаться! Пора за работу приниматься! Скоро утро наступит, а там, глядишь, и день пройдёт! Не заметите, как вечер наступит, опять отдыхать, прохлаждаться будете. У меня ведь не работа — праздник! А поесть — потом успеете: нет ничего тяжелее работы на сытый-то желудок!

И послал Тындалэ хлеб молотить, а Пэкалэ — коров пасти.

Коров у богача — вон сколько! А пастух один — Пэкалэ. Мало ли что животине в жаркий день в голову придёт? Одна в кусты норовит от мух спрятаться, другая в реку лезет, а те убегут — глаза б на них не глядели — до седьмой межи!.. Вот и носился Пэкалэ целый день сломя голову по полям, по кустам, коров в стадо собирал. Этих пригонит — другие убегут. Тех отыщет — этих след простыл. А всё потому, что жадный помещик не хотел второго пастуха нанимать.

Но и Тындалэ как пришёл на гумно, так весь день водил лошадей по кругу: зерно молотил. А помещик и передохнуть не даёт, кричит. У Тындалэ от усталости в глазах потемнело, белые кони в чёрных превратились!..

А вечером дал богач батракам по миске пустого супа да по куску хлеба сухого.

— Ешьте, — говорит, — вволю! И отдыхайте, отдыхайте, сколько душеньке угодно! У меня ведь, сами знаете, не работа — праздник! — И ушёл.

— Ну, Тындалэ, — спросил тогда Пэкалэ, — как тебе работалось? Загонял тебя хозяин до седьмого пота!

А Тындалэ видел, как Пэкалэ, словно волк голодный, пустой суп глотал, подумал: «Ладно уж, потерплю для друга своего, для побратима, не признаюсь в усталости!»

— Какая там работа! — сказал Тындалэ. — Целый день я в сторонке просидел, глядел, как лошади по кругу ходят.

А Пэкалэ тоже не дурак, видит: у Тындалэ миска вмиг опустела, сухой корки — в помине нет! «Ладно, —

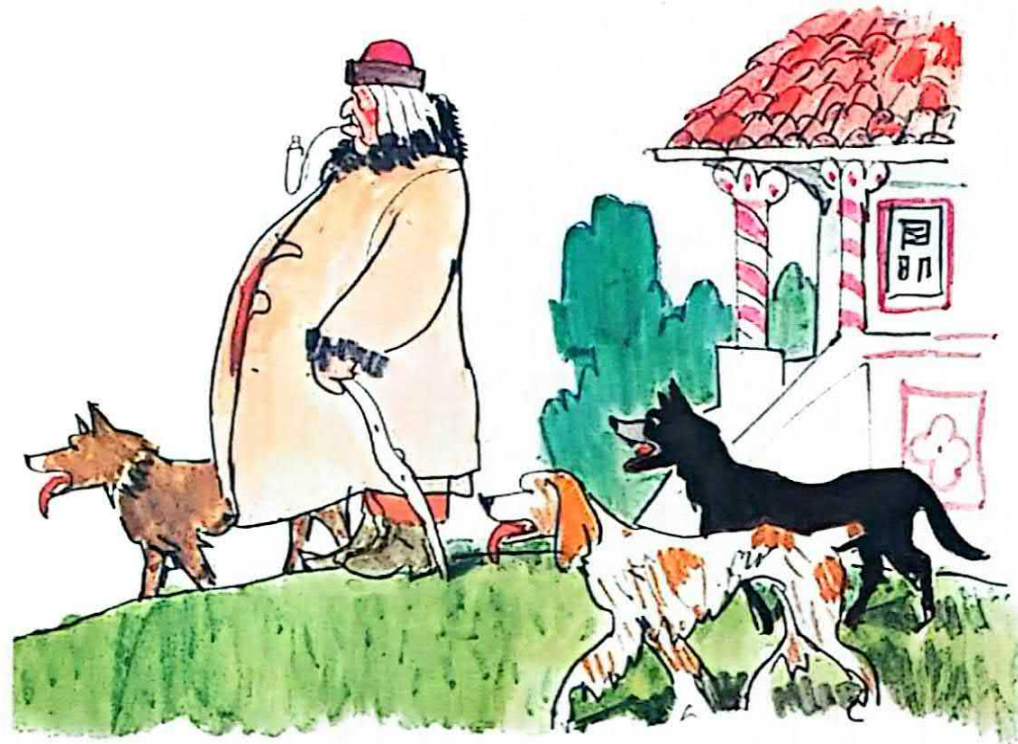

думает, — для побратима и потерпеть можно, хоть раз в день, а всё ж еда есть. Только вот что он от такой безделицы с лица осунулся, почернел? Уж не меня ли жалея, старается?» — и сказал:

— А с коровами и того легче! Пасутся, как ягнятки, в сторону ни на шаг не отходят. Об одном я жалел: подушку дома забыл! Вот и придумал: давай поменяемся! Ты завтра пойдёшь коров пасти, а я — вместо тебя на гумне работать буду. Не всё ли равно где спать?

Что делать? Пришлось Тындаля согласиться. Утром Пэкаля не евши на гумно пошёл, а Тындаля на пустой желудок — в поле коров пасти... И принялись: один по полям, по кустам, не присаживаясь весь день, за коровами гонялся, а другой — до одури коней по кругу водил...

— Ну, и хитрец же этот Пэкаль! — едва переводя дух

на бегу, говорил сам себе Тындаля. — Хотел из-за меня стараться, на помещика надрываться!

— Ну, и гусь же этот Тындаля! — усмехался Пэкаль. — Хотел из-за побратима муки терпеть! Только разве меня проведёшь?

Вечером проглотили они тощую похлёбку, глянули друг на друга и... давай смеяться. Чуть со смеху не лопнули!

— Ну, — говорит Пэкаль. — Как тебе, Тындаля, понравилось коров пасти? Выспался ты вволю или ещё спать будешь?

Задумался Тындаля.

— То-то и оно! — сказал Пэкаль. — Кабы помещик кормил да платил — можно бы и поработать. А такой «праздник» — пусть он сам празднует! А мы пойдём другую работу искать!

КАК ПЭКАЛЭ ОТОМСТИЛ ЖАДНОМУ ПОМЕЩИКУ

День проходит, два дня прошло — не найдут побратимы работы. Помещики-то скупаются: из своих батраков силы выжимают, а других нанимать не хотят. Кругом богатеи едят-объедаются, а им, беднякам, — есть нечего. Что за несправедливость!

Тут уж впору не только Тындалэ, а и Пэкалэ задуматься.

— Что делать будем?

— Ну, уж коли ты не знаешь, — сказал Тындалэ, — так, видать, одно нам остаётся — к помещику вернуться, по вечерам пустой суп хлебать!..

— А ну, погоди! — встрепенулся Пэкалэ. — Как ты сказал? К помещику пойти?

— Пойти, — без радости согласился Тындалэ.

— Ну что ж! — сказал Пэкалэ, повеселев. — Можно и пойти. Только ты мне, Тындалэ, ответь, ты волком быть сумеешь? Вот так: «У-у-уу!»

— Да я с голодухи хоть тигром зарычу! — сказал Тындалэ. — Это для меня — легче лёгкого.

— Тогда слушай, — сказал Пэкалэ. — Твоё дело простое: как знак подам — по-волчьи быть и руками трясти!

Подошли они к помещицкому дому, спрятались в кустах. Пэкалэ из мешка кусок угля достал, Тындалэ руки черным-черно начернил, вокруг глаз круги разрисовал. А уши, уши мелом натёр-побелил, щёки — куском свёклы, словно кровью, измазал. А себе из клочков козлиной шкуры бороду и усы страшные приладил.

— Готово! — говорит. — Теперь нас не то что чужой, родная мать и та не узнает! Пошли! Да побыстрее! — А сам мешок держит, и в нём что-то позвякивает, побрякивает. — Не бойся! — Это он Тындалэ подбадривает. — Была бы целая, так была бы это ложка. Была бы не дырявая, так была бы кастрюля!..

Влетели они к помещику в дом. Пэкалэ двери распахнул. Помещик-то, помещик, как увидел их, так и обмер со страху.

— Я страшный Улюлюк-Мамелюк! — прокричал Пэкалэ. — Я два дня и две ночи через горы шёл, через леса бежал, не ел, не пил (и верно: два дня не ел, не пил!). Если ты сейчас меня и слугу моего, раба моего верного, не накормишь, не напоишь, я с тобой сделаю то, что в дальних деревнях с непослушными помещиками делал! То самое и сделаю! — И бородой затряс.

А чёрный слуга Улюлюка-Мамелюка с белыми ушами и свекольными щеками, это Тындалэ, значит, руки поднял, затряс ими, завыл:

— У-у-уу! У-у-уу! — что заправский волк: аж самому страшно стало.

Помещик похолодел даже.

— Не извольте беспокоиться, ваше Улюлюкское Мамелючество! — говорит. — Сейчас вас накормим, напоим!

Досказать не успел, а уж на крик, на шум жена его прибежала. Он ей шепнул только — она мигом стол накрыла.

— Ку-ку-кушайте! — говорит. — У-у-у-гого-го-щайтесь! — а сама дрожмя-дрожит. А помещик, только знай, тарелки с курятиной, с гусятиной, с колбасой им пододвигает:

— Ешьте, ешьте!
Это моя жёнушка готовила, жарила, варила!
Словно чуяла — гости у нас дорогие будут!

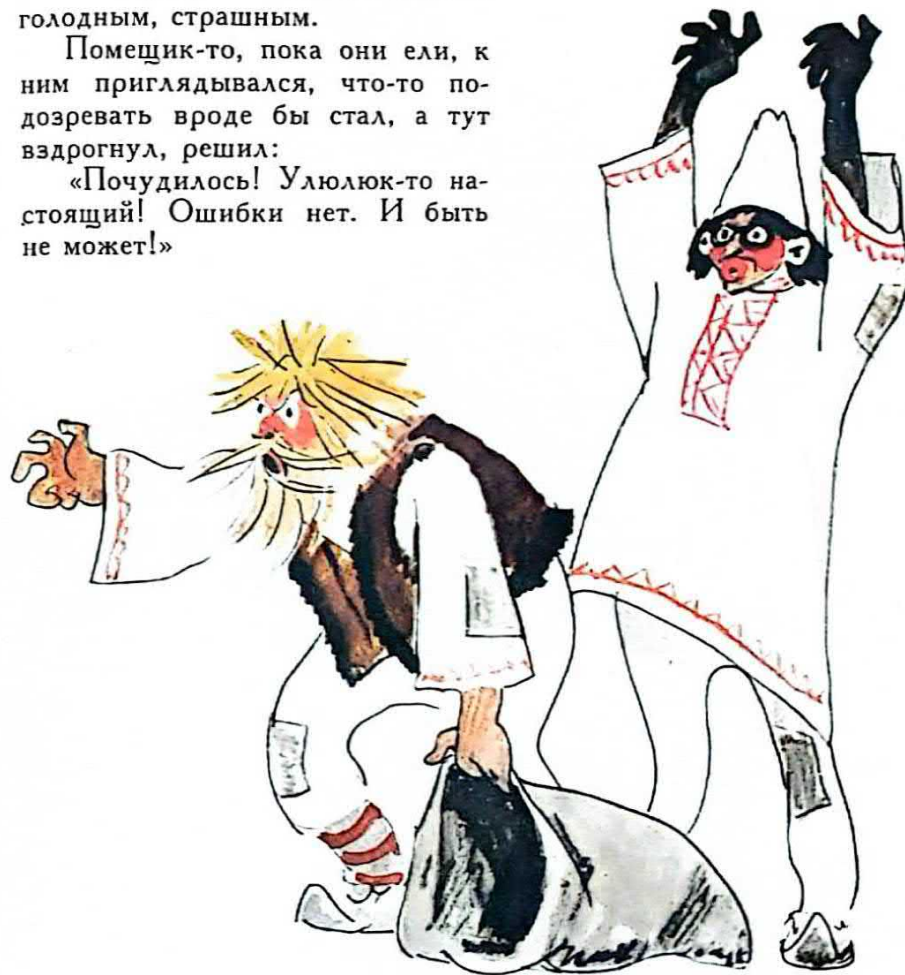

Улюлюк-Мамелюк и его слуга верный (это значит, Пэкалэ и Тындалэ) себя упрашивать не заставляли — за обе щеки уплетали. Вот покончили они с одним блюдом, со вторым... Тындалэ даже опьянел от сытости, только хотел было рот открыть, сказать, что «Эх, мол, хороша еда!» А Пэкалэ и без него знает — сам никогда так не едал! — кулаком толк его под столом. Тындалэ сразу в себя пришёл, руки поднял, замахал:

— У-у-уу! — завыл волком голодным, страшным.

Помещик-то, пока они ели, к ним приглядывался, что-то подзревать вроде бы стал, а тут вздрогнул, решил:

«Почудилось! Улюлюк-то настоящий! Ошибки нет. И быть не может!»

А Пэкалэ сунул руку в мешок, и опять что-то страшное задребезжало, залязгало.

— Мало! Мало! — прохрипел он. — Давай, хозяин, ещё! Не зря я два дня и две ночи через горы бежал, через поля шёл, через реки плыл. — И опять бородой козливой затряс.

Тут помещик на колени упал.

— Пощадите, ваше Улюлюкское Мамелючество! Всё, что было в доме жареного, вы скушать изволили! Уж не обессудьте! Может, возьмёте на дорожку уточку или гусочку живьём?

— Давай, раб, двух гусей и двух уток, как положено! — сказал Улюлюк—Пэкалэ. — А не то, я с тобой...

Совсем перепугался помещик, кланяется, а жена его уже тащит гусей, а за ними и уток несёт.

Гуси «Га-га-га» — кричат. Утки «Кря-кря-кря» — крикают. Чёрный раб «У-у-уу» — волком воет (это Тындалэ), а Улюлюк-Мамелюк бородой трясёт, живность в мешок запихивает.

Помещик — только бы они скорее ушли — колбасу им суёт.

И тут — кто бы подумать мог! — Улюлюк-Мамелюк вдруг... гордо её рукой отстранил и говорит:

— Забирай колбасу! Мы от неё отказываемся!

И сам к выходу. А чёрный слуга его, верный раб (это Тындалэ) с мешком, где гуси и утки, — за ним...

Помещик дверь распахнул, кланяется:

— Счастливого вам пути, Улюлюк Мамелюкович!

А как они на крыльцо вышли, страх его отпускать стал. А когда они на землю ступили, он совсем осмелел и спросил:

— Уж не разгневайтесь, ваше Улюлюкское Мамелючество, но интересно узнать мне, от чего я избавился? Что же вы с теми жадными помещиками в нездешних деревнях сделали?

Тут Улюлюк-Мамелюк остановился и так это спокойно сказал:

— Я пришёл к ним и попросил дать мне поесть. А они, жадные люди, не дали мне ничего. Я и ушёл!

При этих его словах помещик даже онемел от изумления.

— А кровь? А белые уши? А борода? Борода!.. — ещё не веря себе, забормотал он трясущимися губами.

— Если тебе так понравилась моя борода, — сказал Улюлюк-Мамелюк-Пэкалэ, — то я могу подарить её тебе.

И он легко отцепил свою бороду и кинул её в руки изумлённому помещику.

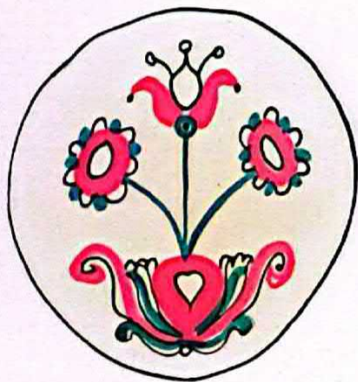
— Так, значит, ты ограбил меня! — прохрипел помещик, узнав в Улюлюке-Мамелюке и его слуге Пэкалэ и Тындалэ! — Люди! Спасите! — завопил он не своим голосом. — Спасите, помогите! Да что же это! Гуси мои!

Утки!.. Пстой, пстой! Я сейчас побегу к судье! Ведь ты ограбил меня!

— Ничуть не бывало! — сказал Пэкалэ. — Это ты — злой человек притворялся добряком, говорил, что у тебя не работа, а праздник! Обещал кормить нас, а мы два дня у тебя не завтракали, не обедали, да можно сказать и не ужинали! Что нам оставалось делать? Притвориться злыми! Вот ты и накормил нас за те дни, что мы голодали! А что мы с собой взяли — это плата за нашу работу!.. А лишнего, — закончил он с достоинством, показав на колбасу, — лишнего Пэкалэ никогда ни у кого не брал, не берёт и брать не будет!

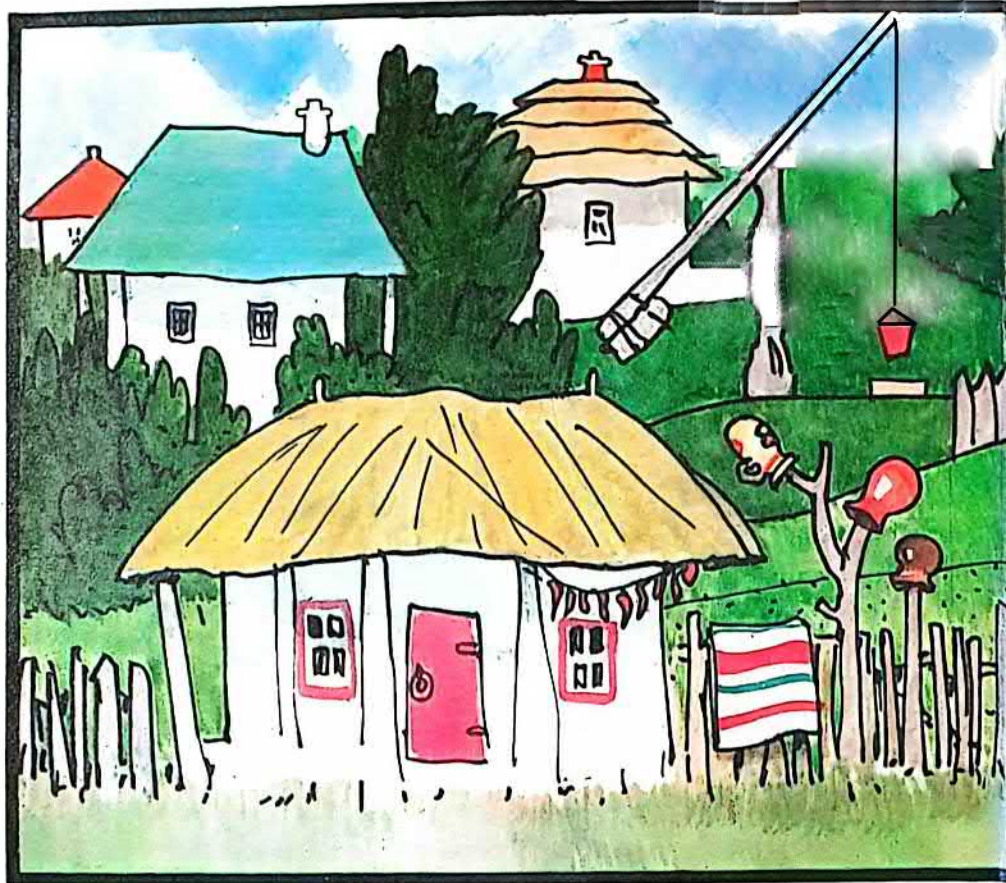

СКАЗКИ
15 СЕСТЕР

Молдавские
сказки

Для старшего дошкольного возраста

Виктор Моисеевич Важапэ

ПЭКАЛЭ И ТЫНДАЛЭ

По мотивам молдавских сказок

Художник А. В. Кокорин

115 № 880

Редактор А. И. Куртцовой. Художественный редактор Ю. И. Полюванова. Технический редактор Е. В. Савелова. Корректор С. С. Блаженский. Подписано в печать 29.01.79. 60х90/8. Вун. орс. № 1. Гари, академич. Печать орс. Уса. печ. л. 3. Уч.-изд. л. 2,1. Тираж 200 000 экз. Изд. № 5443. Цена 20 коп. Заказ № 921. Издательство «Малыш», Москва, К-35, Вутерский вл., 68. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росгавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

В 70801—032
М 12(03)—80 33—80